

очима не дадѣше видети, ни ушима слышати кличъ, ни мощно познати своего или супостата». Или еще: кн. V, л. VII, ч. 3: «И не одолеваше труд нѣ сим ни онем, и бысть стенобитѣе и снимание (схватка) по вся дѣни, и выристание (вылазки) и ломлению оружию, и скрежетание меча, и вопль до облак, озем стеноющим и рыдающим, озем же хвалящимся. И несть образа ратного, иже не явися ту».

Картины боя даются в стиле, очень близком к описаниям русских летописей. Например, кн. VI, гл. II, ч. 6: «Потом же, и мечи изламаше, и руками начаша битися, и всяко обретаемое оружие бысть обретающему»; или кн. III, гл. VII, ч. 23: «И камень меташу пороками, сулицы, из лук пушаемы, шумяху»; или кн. III, гл. VII, ч. 22: «И бысть видети падающе жиды, акы снопы со забрал»; или кн. II, гл. VII, ч. 19: «И стрельцем стреляющим и суличником сулицами сующим, и порочником камением пушающим, и не смеюще юдеи стати на забралах»; или кн. III, гл. VII, ч. 9: «и сулицы, из лук пушаемы, шумяще, стрелы помрачиша свет».

В подобных же эпических чертах даются описания поединков и доблестных поступков отдельных римских и иудейских воинов. Например, о подвиге римского сотника Иулиана (кн. VI, гл. I, ч. 8): «убодену же бывшу коню его, сеи же творяше пеш, яко же и на кони скача, яко и демон... иудеи же, обступаше и купно, пободоша оружии, и копии, и окшевами (топорами), и каменiem бияху, и древом, хотяще симь однимъ вся римляны устрашити»; или о храбрости иудея Ионафана, вызвавшего на единоборство римлян (кн. VI, гл. II, ч. 10): «яко несть в вас, иже со мною с однимъ битися!». Когда ему удастся свалить своего противоборца, он «наступи на труп его, и, кровавым мечем махашет, скача и пляша радостно, акы все римлян убив. И кричаше на всех, акы кличем хотя снести я».

Постоянны в переводе такие излюбленные летописные выражения, как «добыти копиемъ», т. е. взять город штурмом (кн. IV, гл. VIII, ч. 3): «Тъ же град Исус, Наввин сын, воевода еврейскыи, добы копием первые от Хананьскыи земли»; «вдати на щитъ»; «плечи даша» (в греческом *ὑποδείξαι* τὰ ὤματα — «показали тыл»); «Зане же не обычаи им есть обратити плещи, когда побежени суть, но тихо отступают, тако не знати бегания их». Замечательны выражения «к смерти челом идут» (кн. VI, гл. I, ч. 5), в греческом «презирают смерть», или «челомъ ити к железу акы зверь» (кн. IV, гл. I, ч. 6). Выражению «оставиша игемона своего во устех брани» (там же) имеет соответствие в греческом лишь *ἐν τοῖς κινδύνοις ἐγκатаλιπεῖν*, т. е. «в опасностях покинуть». Приведенные воинские выражения были для того времени, когда создавали перевод, выражениями обычными и общенародными, знакомыми для каждого соприкасавшегося с воинскими подвигами, столь частыми тогда в дружинной среде.

Подобные выражения можно встретить и в Повести временных лет, и в Киевской и Галицкой летописях, и в «Слове о полку Игореве». Трудно определить, что при этом служило для них источником: попали ли они из «Истории» в летописи или, наоборот, переводчик, хорошо знакомый с летописным стилем и способом выражения, украсил ими свой труд. Во всяком случае мы можем с уверенностью сказать, что перевод «Истории» и указанные древнерусские воинские произведения — современники, они созданы людьми одной эпохи и одной среды, литературными деятелями, которые жили одними и теми же общественными интересами, проявляя одно и то же воспитание чувств, принадлежали к одной и той же писательской школе в период расцвета русской литературы в пределах Киевского государства.